
ПРИЗЫВ
НА ТРОЕЧКУ
Тео Фейбл
18+

Тео Фейбл
Призыв на троечку

https://litres.ru/74685759
SelfPub; 2026

Аннотация

Тимофей Воронцов — худший призыватель Академии семи печатей. Его заклинания путают руны, преподаватели пророчат ему отчисление, а фамильяры предпочитают притворяться глухими.

Но однажды в заброшенном корпусе Тимофей находит древнюю книгу и совершает невозможное — призывает Серафину Вель, высшую суккубу невероятной красоты и отвратительно хорошего мнения о себе. Она собиралась поработить незадачливого мага, однако из-за ошибки в ритуале между ними возникает равный договор.

Теперь Тимофею приходится делить комнату с крылатой демоницей, терпеть её опасные шутки и прислушиваться к советам разумного сапога. А вскоре выясняется, что у академии есть проблема посерьёзнее его оценок: древний демон Варгазиэль собирается взыскать старый долг и получить все семь башен вместе с учениками.

До последнего удара колокола остаётся совсем немного времени. Чтобы спасти академию, троечнику придётся нарушить

десятки правил, перехитрить декана и переписать демонический договор.

Содержание

Пролог. Договор на будущее 5
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Тео Фейбл
Призыв на троечку

Пролог. Договор на будущее

За шестьдесят лет до того, как Тимофей Воронцов впервые провалил практику по призывам, западное крыло Академии семи печатей загорелось синим пламенем.

Огонь не трогал дерево. Не плавил стекло. Не обугливал старые ковры, которые давно следовало сжечь из милосердия к людям с хорошим вкусом.

Он пожирал магию.

За ним гасли защитные руны, рассыпались зачарованные замки, а коридоры забывали, куда ведут. Лестница перед библиотекой свернулась винтом и укусила профессора стихийной теории за сапог. Доспехи в главном зале побросали алебарды и спрятались в кладовой. Каменные горгульи на крыше, обычно гордившиеся бесстрашием, дружно объявили, что они всего лишь архитектурные украшения и ни за что не отвечают.

Портреты прежних деканов один за другим теряли голос.

Последним умолк портрет основателя академии. Он успел поднять палец, принять назидательный вид и произнести:

— Я ведь предупреждал, что нельзя строить лабораторию

над хранилищем эфира…

После этого его нарисованная мантия осыпалась настоящей штукатуркой.

Эдгар Равенхольм бежал по западной галерее, прижимая к груди толстую книгу в потрескавшемся кожаном переплёте. За ним поспевал Маркус Лейн — его сосед по комнате, лучший друг и единственный человек в академии, который умудрялся спорить даже во время пожара.

— Напомни, — выдохнул Маркус, перепрыгивая через дымящуюся трещину, — почему мы бежим туда, откуда все остальные бегут?

— Потому что в старом корпусе есть круг великого призыва.

— Я боялся, что ты это скажешь.

— Тогда зачем спросил?

— Надеялся, что у тебя внезапно появился разумный план.

— Он разумный.

— В твоём плане есть запретная книга, древний круг и мы. Уже три причины написать завещание.

Синий огонь вырвался из стены и прошёл над их головами. Маркус пригнулся. Эдгар не успел. Пламя коснулось защитной вышивки на его воротнике, и серебряные нити почернели.

— Четыре причины, — добавил Маркус.

Колокол тревоги надрывался с главной башни. Звон то

ускорялся, то замедлялся: огонь добрался до чар, которые управляли молотом. Получалось так, будто академия сама паниковала и никак не могла решить, насколько сильно.

Навстречу им выбежала группа младших учеников. Двое поддерживали преподавателя артефакторики. Третий нёс клетку с учебным бесом, который требовал немедленно освободить его по причине чрезвычайного положения.

— К восточной лестнице! — крикнул Эдгар. — Главные ворота ещё открыты!

— Уже нет! — ответила рыжая первокурсница. — Они забыли, что они ворота!

— Тогда через оранжерею!

— Розы никого не выпускают!

Маркус посмотрел на Эдгара.

— Всё ещё разумный план?

— С каждой минутой становится разумнее.

Они добрались до старого корпуса через переход, которым не пользовались много лет. Здесь было холодно и пахло пылью, воском и сырой бумагой. Синее пламя пока не проникло внутрь, но стены вздрагивали при каждом ударе колокола.

Дверь в зал призывов была запечатана семью замками.

Эдгар открыл первый ключом старосты курса, второй — формулой допуска, третий — каплей крови. Четвёртый потребовал назвать цель посещения.

— Спасение академии, — сказал Эдгар.

Замок подумал и щёлкнул.

Пятый спросил:

— Разрешение преподавателя имеется?

— Имеется, — уверенно соврал Эдгар.

Замок немного помедлил, словно решая, стоит ли связываться, а затем раскрылся.

— Кажется, он тебе поверил, — заметил Маркус.

— Нет. Просто понял, что спорить бесполезно.

Шестой замок оказался сломан. С седьмым пришлось договариваться. Он соглашался открыться только ответственному ученику с хорошей успеваемостью.

Эдгар приложил ладонь к печати. Руны вспыхнули зелёным.

— Успеваемость подтверждена, — сообщил замок. — Ответственность вызывает сомнения.

— У нас пожар.

— Правила не предусматривают скидок на пожар.

Маркус ударил замок огнетушащим жезлом. Печать обиженно пискнула, и дверь распахнулась.

— Иногда, — сказал Маркус, — административные вопросы требуют практического подхода.

Зал великого призыва занимал почти весь нижний этаж старого корпуса. В центре пола чернел круг из серебра и обсидиана. Вокруг него стояли семь колонн. На каждой было высечено предупреждение на отдельном языке.

Эдгар мог прочитать только три.

Первое запрещало входить в круг после полуночи. Второе не рекомендовало призывать существ, чьё имя состоит более чем из двенадцати букв. Третье советовало заранее договориться о способе оплаты.

На четвёртой колонне кто-то много лет назад нацарапал: «Если ты это читаешь, уже поздно».

— Обнадёживает, — сказал Маркус.

Эдгар положил книгу на каменный постамент. Переплёт был тёплым. Книга сама раскрылась примерно посередине, будто знала, зачем её принесли.

На странице проступило имя:

ВАРХАЗИЭЛЬ.

Буквы казались мокрыми.

Маркус перестал улыбаться.

— Нет.

— Он может остановить огонь.

— Он может остановить всё. Сердце, время, смену времён года и выплаты академической стипендии. Последнее, кстати, уже почти удалось казначейству.

— Другого способа нет.

— Мы не знаем этого.

— За последний час три магистра пытались погасить пламя. Оно съело их заклинания и стало сильнее. Ещё немного — и рухнет центральная печать. Тогда огонь доберётся до жилых башен.

— Значит, надо выводить людей.

— Ворота забыли, что они ворота. Розы никого не выпускают. Восточный мост превратился в лестницу и ведёт на крышу прачечной.

— Прачки будут недовольны.

— Маркус.

— Я пытаюсь шутить, потому что иначе начну тебя душить.

В стену ударило что-то тяжёлое. С потолка посыпалась пыль. На секунду за дверью раздался многоголосый крик, затем его заглушил колокол.

Эдгар открыл футляр с мелом.

— Поможешь мне исправить старый круг?

Маркус смотрел на него долго. Потом выругался, выхватил второй кусок мела и опустился на колени.

— Если мы выживем, я буду напоминать тебе об этом до самой старости.

— Если мы выживем, я разрешу.

— Великодушно.

Они восстанавливали знаки по схеме из книги. Эдгар чертил внутренние печати, Маркус — удерживающие дуги. Пол дрожал. Мел ломался в пальцах. Один символ пришлось переделывать трижды: каменная плита под ним упрямо сдвигала линию на полдюйма, словно тоже не хотела участвовать в ритуале.

Наконец Эдгар замкнул последний знак.

Круг отозвался глухим ударом.

В дальнем конце зала вспыхнуло синее пламя.

Оно пробилось сквозь стену без дыма и жара. Серебряные буквы на полу начали исчезать одна за другой.

— Начинай! — крикнул Маркус.

Эдгар положил обе ладони на книгу и произнёс первое слово призыва.

Воздух стал вязким. Второе слово отозвалось болью в зубах. После третьего погасли все светильники. После четвёртого одна из колонн попросила прощения у архитектора и треснула пополам.

Оставалось имя.

— Вархазиэль! — выкрикнул Эдгар.

Синий огонь остановился у края круга.

Тьма внутри серебряных линий поднялась вертикально. Сначала она была просто пятном, затем вытянулась в высокую фигуру. Появились плечи, длинные руки, рога, похожие на корону из чёрного стекла. Из глубины поднялись глаза цвета старого золота.

Демон оглядел зал.

— Как мило, — произнёс он. — Меня не вызывали сюда уже двести восемьдесят четыре года. В прошлый раз круг был ровнее.

Маркус незаметно отступил к внешней линии.

Демон повернул голову.

— Не утруждайся. Если я захочу выйти, полшага не спасут.

— Я просто выбираю место с лучшим освещением.

— Разумеется.

Вархазиэль посмотрел на Эдгара. Его улыбка была спокойной и почти человеческой. От этого становилось страшнее.

— Эдгар Равенхольм, — сказал он. — Ученик шестого курса. Отличник. Староста. Нарушитель трёх правил безопасности и автор весьма небрежно начерченного круга.

— Я чертил в спешке.

— Это заметно. Знак подчинения перевёрнут.

Эдгар посмотрел вниз.

Демон тихо рассмеялся.

— Не беспокойся. Я пошутил.

Маркус выдохнул сквозь зубы:

— Уже ненавижу его.

— А ты Маркус Лейн, — продолжил Вархазиэль. — Посредственные оценки, неуместные замечания, два дисциплинарных взыскания и необычайно верное сердце. Такие сердца особенно легко разбивать.

Маркус побледнел, но ответил:

— В академии три тысячи учеников. Придётся встать в очередь.

Демон одобрительно приподнял бровь.

— Оставь его в живых, — сказал Эдгар.

— Ты ещё ничего у меня не попросил.

Синее пламя коснулось внешнего обода. Защитная дуга

вспыхнула и исчезла.

Эдгар заставил себя смотреть демону в глаза.

— Останови пожар. Восстанови печати. Открой выходы и не дай погибнуть никому, кто находится в академии.

— Очень много глаголов для одной просьбы.

— Ты можешь это сделать?

— Могу.

— Тогда назови цену.

Вархазиэль прошёлся внутри круга. Его сапоги не касались пола, но каждый шаг отдавался в камне.

— Люди обычно начинают с души.

— Душу не отдам.

— Похвально. Она у тебя яркая, упрямая и совершенно не умеет оценивать риски. Я бы назначил хорошую цену.

— Нет.

— Имя?

— Нет.

— Первенца?

— У меня его нет.

— Поэтому и спрашиваю заранее. Планирование — основа выгодной сделки.

Маркус поднял огнетушащий жезл.

— Может, всё-таки попробуем ударить его?

— Молодой человек, — мягко сказал демон, — если вы ударите меня этой палочкой, она загорится от стыда.

Жезл в руке Маркуса выпустил тонкую струйку дыма.

— Предатель, — сказал ему Маркус.

Эдгар слышал, как за дверью разрушается коридор. Времени не осталось.

— Что тебе нужно?

Вархазиэль остановился.

— Не сейчас. Позже.

— Когда?

— Когда ты станешь тем, кем считаешь себя уже сегодня.

— Я не понимаю.

— Поймёшь. Ты останешься в академии. Будешь служить ей. Поднимешься выше своих учителей. Станешь хранителем её печатей и хозяином её ключей.

— Деканом, — прошептал Маркус.

Вархазиэль улыбнулся.

— Именно.

Эдгар почувствовал холод, хотя синее пламя уже охватило половину зала.

— И чего ты потребуешь от меня тогда?

— Всего, что будет принадлежать Академии семи печатей.

Маркус шагнул к кругу.

— Нет. Он не имеет права обещать чужое.

— Тогда договор безопасен, — ответил демон. — Разве нет?

Эдгар посмотрел на огонь. В его глубине мелькали коридоры, аудитории, лица людей. Пламя уже добралось до глав-

ной печати, и с каждым ударом колокола её свет становился слабее.

— Определи срок, — сказал он.

— Шестьдесят лет с этой ночи.

— Почему шестьдесят?

— Люблю круглые числа.

— Шестьдесят не круглое.

— Для бессмертного существа все человеческие числа выглядят одинаково маленькими.

Вархазиэль поднял руку. Между его пальцами вытянулась чёрная нить. Она коснулась книги, и над страницами проступили строки договора.

Буквы складывались быстро, будто текст был написан задолго до их рождения и теперь лишь становился видимым.

Эдгар читал.

«Призываемый обязуется прекратить разрушение Академии семи печатей, восстановить её магические опоры и сохранить жизни всех, находящихся в её пределах на момент заключения договора…»

Ниже шли условия платы.

«По истечении шестидесяти лет призыватель передаёт Вархазиэлю всё, что принадлежит Академии семи печатей…»

— Здесь нет перечня, — сказал Маркус. — Нет определения собственности. Нет даже границ территории.

— Молодец, — отозвался демон. — Вы умеете читать.

— Эдгар, не подписывай.

За дверью закричала девушка.

Эдгар узнал голос. Лидия Арн, ученица с четвёртого курса. Утром она спорила с ним из-за места в лаборатории. Теперь голос оборвался на полуслове.

— Дай нам минуту, — потребовал Эдгар.

— У вас её нет.

Главная печать лопнула.

Звук был тихим, почти нежным. Но академия накренилась, словно огромный корабль. Стены зала пошли трещинами. С потолка сорвался камень. Маркус едва успел отскочить.

Синее пламя рванулось вперёд.

Эдгар увидел, как исчезает последняя защитная линия.

И поставил подпись.

Мир замер.

Огонь застыл в нескольких дюймах от его лица. В синей глубине плавали обрывки заклинаний: золотые буквы, красные печати, чей-то недописанный защитный знак.

Вархазиэль протянул руку сквозь круг и щёлкнул пальцами.

Пламя втянулось в этот звук.

Оно исчезло из зала, коридоров и башен. Погасло на лестницах, в аудиториях и подвалах. Все украденные заклинания вырвались наружу разом. Двери вспомнили, что они двери, и распахнулись. Восточный мост перестал вести на крышу

прачечной. Розы в оранжерее отпустили пленников и сделали вид, что вообще никого не удерживали.

Колокол тревоги ударил ещё раз и смущённо замолчал.

В наступившей тишине где-то далеко профессор стихийной теории потребовал вернуть ему сапог.

Эдгар не чувствовал облегчения. На его ладони проступила тонкая чёрная линия. Она пересекла кожу и замкнулась вокруг запястья, словно браслет.

Такая же линия появилась на странице.

— Договор заключён, — сказал Вархазиэль.

Маркус схватил Эдгара за плечо.

— Ты не мог отдать ему академию. Она не твоя.

— Сейчас — нет, — произнёс демон.

Эдгар поднял голову.

— Что это значит?

— То, что слова редко принадлежат только тому мгновению, в котором их произнесли.

— Ты обещал спасти всех.

— И спас. Проверьте, если желаете. Даже господин с застрявшим сапогом жив, хотя его благодарность вызывает сомнения.

Вархазиэль отступил в глубину круга. Его тело снова стало тенью.

— До встречи, декан Равенхольм.

— Я ещё не декан.

Золотые глаза сузились.

— Пока нет. Но к сроку расплаты будешь.

Тьма схлопнулась. Круг погас.

На каменном полу осталась книга, раскрытая на подписанном договоре. Внизу появилась новая строка, которой прежде не было:

«Право толкования условий принадлежит предъявителю долга».

Маркус прочёл её первым.

— Эдгар…

— Я вижу.

— Это ловушка.

— Я знаю.

— Нет, — Маркус захлопнул книгу. — Сейчас ты только начинаешь понимать, что это ловушка.

Из коридора донеслись шаги. Кто-то звал выживших. Кто-то смеялся и плакал одновременно. Академия дышала, скрипела, ругалась голосами преподавателей и постепенно приходила в себя.

Эдгар подошёл к двери.

— Никому не говори.

— Ты сошёл с ума.

— Если они узнают о договоре, начнётся паника.

— Паника уже началась. Главные ворота час считали себя стеной.

— О демоне, Маркус. Никому.

— Через шестьдесят лет он придёт за всей академией.

— За это время я найду способ расторгнуть договор.

— А если не найдёшь?

Эдгар посмотрел на чёрную линию вокруг запястья.

— Найду.

Он сказал это уверенно. Так говорят юноши, которым кажется, что шестьдесят лет — почти вечность, а любая ошибка исправима, если достаточно хорошо учиться.

Маркус ему не поверил.

Но сохранил тайну.

Спустя годы Эдгар Равенхольм стал преподавателем, затем хранителем печатей, а потом деканом Академии семи печатей. Он изучил сотни договоров, вызвал десятки существ и запретил ученикам приближаться к старому корпусу. Книгу спрятал там, где, как он был уверен, её никто не найдёт.

Каждый год в ночь пожара чёрная линия на его запястье становилась чуть темнее.

На пятидесятый год из академии исчез Маркус Лейн.

На пятьдесят девятый книга сама открылась.

А ровно через шестьдесят лет старый корпус, запертый семью замками, распахнул дверь перед учеником, который не умел как следует чертить круги призыва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.